

Нищенка. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Нищенка. Максим Горький

– Теперь я пойду прогуляться! – вслух произнёс Павел Андреевич, бросил перо, зевнул, вытянулся в кресле и меланхолично засвистал.

Ему хорошо поработалось, он чувствовал себя бодрым и довольным. Завтра он скажет в суде две пустяковые речи, затем выступит ещё два раза – и сессия кончена.

Можно будет взять маленький отпуск и поехать в Крым посмотреть на ласковое море и знойное южное небо... У него есть уже репутация талантливого оратора и хорошего юриста; он вправе ожидать в близком будущем назначения в прокуратуру, и жизнь ему не кажется ни утомительной, ни дурной; она скучна, если смотреть на неё слишком пристально, но зачем же нужно именно так смотреть? Едва ли что-нибудь, кроме миллиона терзаний, даст такое отношение к ней, к этой жизни, которую так много раз пытались разгадать и не разгадали; и едва ли разгадают когда-либо...

«Наша жизнь вся сполна нам судьбой суждена!» – незаметно для себя сбился Павел Андреевич на философию Ламбертучио и, просвистав опереточный куплет в неподходяще минорном тоне, улыбнулся, снова зевнул и, встав с кресла, крикнул:

– Ефим!

Затем умеренно самодовольно оглянулся вокруг себя.

Его рабочая комната, обставленная комфортабельной мебелью без бьющего на эффект шика, а с солидной красотой и удобством, теперь богато залитая молодым ярким солнцем последних дней апреля, смотрела на него своими стенами и украшениями так ласково и светло, что ещё более усиливала в нём хорошее, тёплое ощущение сладости бытия.

– Ефим! – снова позвал он.

– Я здесь!

Из-за тяжёлой коричневой портьеры, пышными складками закрывавшей дверь, высунулась пушистая седая голова, и на Павла Андреевича выразительно уставилась пара добрых старческих глаз, тонувших в кудрявой серебряной бахrome бороды и бровей.

– Иду гулять, братец; часам к семи приготовь самовар. Больше ничего.

– А ежели кто спрашивать вас будет?

– Скоро приду. Но некому.

– А может, гости придут?

– Ну, какие же к нам с тобой ходят гости, Ефим?

– Точно, что не ходят!

– Так что же ты спрашиваешь?

– А для порядку. Это уж так всегда в хороших домах лакей спрашивает у бар, коли они изволят куда отлучаться.

– Ага, вот что! – И, добродушно-скептически улыбнувшись, Павел Андреевич надел пальто и вышел на улицу.

Чисто выметенная и ещё сырая от недавно стаявшего снега улица была пустынна, но красива выдержанной и немного тяжёлой красотой. Большие белые дома с лепными украшениями по карнизам и в простенках между окнами, окрашенные в тонко розоватый оттенок весенними лучами заходящего солнца, смотрели на свет божий философски сосредоточенно и важно. Стаявший снег смыл с них пыль, и они стояли почти вплоть друг к другу такими чистыми, свежими, сытыми. И небо сияло над ними

так же солидно, светло и довольно.

Павел Андреевич шёл и, чувствуя себя в полной гармонии с окружающим, лениво думал о том, как хорошо можно жить, если не требовать от жизни многого, и как самонадеянны и глупы те люди, которые, обладая грошами, требуют себе от жизни на рубли. Странное племя! Жизнь учит их и учит так жестоко, а они всё-таки продолжают бесноваться, не умея найти себе надлежащей точки опоры, не умея привести свои способности в гармонию с своими желаниями...

Думая так, механически и безмятежно, он не заметил, как вышел на набережную улицу.

Перед ним внизу стояло целое море воды, холодно блестящей в лучах солнца, далеко на горизонте медленно опускавшегося в неё. Река, как и отражённое в ней небо, была торжественно покойна. Ни волн, ни частой сети ряби не видно было на её полированно-холодной поверхности. Широко размахнувшись, она, точно утомлённая этим размахом, покойно уснула. А на ней томно таяла пурпурно-золотая бархатная полоса лучей заката. Далеко, уже окутанная сизой дымкой вечера, виднелась узкая лента земли, отделяя воду от неба, безоблачного и пустынного, как и накрытая им река... Хорошо бы плыть свободной птицей между ними, мощно рассекая крылом синий свежий воздух!..

– Голубчик, барин! Хри-ста ради, копеечку на хлеб пожалуйте! Работы нет, целый день не евши... Истомились... Ваше благородие, будь милостив бога для!..

Павел Андреевич вздрогнул и обернулся.

Поющие голоса – надтреснутый тенор и хриплый безнадежный баритон – без пауз рвали воздух и резали уши Павла Андреевича.

Перед ним стояли двое – парень лет под двадцать, с топором в руке и с рваной шапкой в другой, в женской кацавейке с торчащей из многочисленных дыр грязной ватой, и мужик лет пятидесяти, в полушубке, в лаптях, с коричневым грязным картузом, засунутым за пояс. На лице парня, землистом, голодном и сухом, застыла жалобно-жадная мина, он ухитрился выразить вместе ожидание подачи и просительное подобострастие. Мужик, всё лицо которого было завешено упавшими на лоб жёсткими волосами и сваленной в гугут бородой, упорно смотрел в землю и безнадежно гудел, как-то лениво вытягивая из себя звуки. Парень же пел свою просьбу быстрым речитативом, точно боясь, что не дослушают его и не успеет он достаточно высказать все причины, которые заставили его нищенствовать.

– Будет! – громко и недовольно сказал Павел Андреевич и быстро опустил руку в карман.

Но тут случилось нечто странное, ошеломившее его чуть не до потери сознания.

– Барин, миленький! Не давай им!.. не давай!.. Они уж тридцать пять копеек набрали... Ишь, жадёры!.. Баринушка, мне!.. Голубчик, подай маленькой девочке на хлеб, Христа ради!..

Павел Андреевич почувствовал, что кто-то крепко вцепился в его руку, опущенную в карман, вцепился, тормозит её и звонким дискантом воет жалкие и в то же время страстно просительные слова.

Это был какой-то маленький грязный живой комок, голова его глубоко воткнулась в складки шинели Павла Андреевича, и этот комок так быстро, точно вьюн, кружился и извивался на одном месте, что положительно не было возможности подробно рассмотреть, что это такое... Три голоса наперебой ныли и оглушали его, вызывая в нём острое раздражение.

– Молчать! Пошли прочь! – крикнул он.

Но его властный окрик мало подействовал.

– Эх, барин! – глубоким вздохом возгласил баритон, извлекая этот возглас из самых недр своего нутра.

– Кормилец ты наш! – подхватил высоко и колоратурно тенор.

– Врут они, баринушка, не верь! Они уж тридцать пять копеек собрали!.. А вот как ко всенощной ударят, на паперть пойдут, там ещё с эстолько награбастают...

Жадёры окаянные!..

– Прочь, говорю!.. – ещё раз зычно гаркнул Павел Андреевич, крепко выругался и тотчас же смущённо оглянулся.

Но набережная была пуста, и никто не мог видеть его раздражения. Тогда сильным движением он оторвал от своей шинели впившийся в неё цепкий комок и поднял его рукой до своего лица... Но тут же, поражённый, быстро опустил руку, отчего существо, бившееся в ней, покатилося на тротуар, всё-таки не переставая просить звенящим тонким дискантом.

Павел Андреевич закрыл на секунду глаза, глубоко вздохнул, сунул в одну из простёртых к нему рук какую-то мелочь и, замахав рукой в ответ на благодарные пожелания, звучавшие как-то странно-тоскливо и вымученно, – наклонился над запутавшимся в лохмотьях существом как раз в то время, когда оно, точно резиновый мяч, отскочило от мостовой, причём груди навешанной на нём грязной рвани, встряхнутая быстрым движением, сделала его похожей на уродливую большую ночную бабочку.

– Голубчик, баринушка, и мне копеечку!.. Дай Христа ради... – снова волчком завертелось у него в ногах крохотное создание.

– погоди, погоди!.. – немного растерянно бормотал Павел Андреевич, пристально рассматривая её.

Это была маленькая светлолицая девочка лет шести-семи, подвижная, как ртуть, и невероятно оборванная. Лохмотья, подпоясанные рваной красной тряпкой, совершенно скрывали под собой её фигурку, только маленькая головка, высываясь из них, давала возможность отнести её к классу людей. Именно эта головка и поразила Павла Андреевича, знатока красоты и поклонника всего изящного. Детски маленькая, она, несмотря на грязную тряпку, покрывавшую её, а может быть, благодаря именно этой тряпке, резко оттенявшей цвет и изящество личика, была разительно красива. Тонкие и мелкие кольца кудрей, выбиваясь из повязки, падали на лоб и щёки и трепетали на них, позволяя просвечивать сквозь себя живому, ярко-розовому румянцу. Маленький, – точно резцом выточенный носик, с нервно раздутыми от возбуждения ноздрями, розовыми и прозрачными, нервно вздрагивавшие пунцовые губки, маленькие и пышные, круглый с мягкой, милой ямкой подбородок и большие синие бархатные глаза – всё это в целом и её лохмотья – делало её странно похожей на маленькую кучку мусора с расцветшим в центре её обаятельно и капризно красивым цветком. Но она, не переставая, звенела своим тонким дискантом, звенела жалкие и гадко-льстивые слова – и этим нарушала иллюзию.

– погоди же, погоди!.. – уже раздражаясь, говорил Павел Андреевич.

Ему хотелось, чтобы она замолчала, не суежилась так и дала бы возможность подробно рассмотреть её. Он медленно шёл вдоль тротуара и, не сводя с неё глаз, думал о том, чем бы это заставить её замолчать... Подать ей? Она будет благодарить.

Повести её к себе? Вот нелепость!.. И, думая так, он в восхищении повторял про себя:

«Но как она красива! Ангельски, именно ангельски красива!»

– Барин! Голубчик, подай!.. Мать дома больная, братишка грудной ещё, по-дай Хри-ста...

– Стой же, погоди. Я тебе дам, понимаешь? Дам! Много дам. Помолчи. погоди.

Скажи мне прежде – ты откуда? Чья ты? Кто твой отец, мать? давно ли ты это... то есть просишь?

С её поднятого кверху личика детски доверчиво смотрели ему в лицо синие глазки и как-то невольно вызывали у Павла Андреевича некоторые смутные, незнакомые ему

чувства и располагали его к исключительным поступкам. Он оглянулся вокруг...

Улица была пуста, и вечер понемногу окутывал её своей мягкой тенью, тогда он взял девочку за руку и пошёл, стараясь соразмерять свои шаги с её торопливой, вертлявой походкой. Это ему плохо удавалось, и он сам как-то прыгал, то опережая её, то отставая; а она семенила около него, дёргая его руку и громко, на всю улицу рассказывала:

– Я ведь здешняя. Мы там живём, внизу, в слободе. Отец-то помер. От водки это. А мамка тоже померла, оттого что он её бил уж очень, Я с тёткой Нисой теперь и живу. Она говорит мне: «Коли ты, говорит, пострелёнок, мало собираешь, я те за вихры отвожу». Тётка-то Ниса говорит... Сердитая тоже. Барин хороший...

– Погоди же, я сказал – дам! Но ведь ты говорила, что дома мать у тебя и брат больные...

– Это тётка Ниса велит, чтобы жалобней было. А как не жалобно, не будут подавать, говорит. «Ты, говорит, дьяволёнок, смотри у меня, мало не приноси. Ври, говорит, во всю мочь... И чтобы жалобнее... а то и не станут подавать!...»

Тонкий, звенящий дискант ребёнка всё сильнее возбуждал в нём странные, непривычные мысли. Он шагал медленно, задумчиво, плотно закутавшись шинелью, и, вслушиваясь в музыку её речи, подумал, что ей, должно быть, очень холодно в этот свежий весенний вечер, и, машинально взглянув на её ноги, почувствовал, что его неприятно укололо где-то. Грязные, стоптанные башмачишки на её быстро и гулко топавших о мостовую ножках широко улыбались всякий раз, когда она высоко подымала ногу, улыбались, и эта улыбка открывала маленькие голые и мокрые пальцы, покрасневшие от холода. И как она грязна и оборвана!.. Он поднял голову и посмотрел вдоль улицы.

Два ряда домов, больших и холодных, неприветливо смотрели тёмными пятнами окон на него и его спутницу. В их взглядах было что-то ироническое и строго определённое.

И казалось, они были недовольны им, Павлом Андреевичем, за то, что он позволял так громко звенеть этой маленькой нищей.

Павел Андреевич, приведённый в состояние какого-то тоскливого гипноза её говором, чувствуя себя утомлённым и разбитым, вдруг почему-то подумал, что если бы кто-нибудь из знакомых встретил его в этой компании, то... было бы очень нелепо.

Его и так незаслуженно считают мизантропом только за то, что он не хочет близких знакомств, тогда как он не хочет их совершенно не из человеконенавистничества. Просто потому не следует ставить себя с людьми в так называемые близкие, дружеские отношения, что такие отношения ведут за собой нелепую обязанность выслушивать от них массу рассказов о разных пошлостях, об интригах, о здоровье и характере их жён и других мелких житейских событиях, до расстройства желудка включительно. На что нужны эти пустые и пошлые разговоры? Всё это неважно и ненужно. Покой, созерцание, иногда любопытство, но любопытство без страсти, без самозабвения, – вот нормальная жизнь.

Внутренний мир современного человека настолько сложен и разнообразен, что, изучая его, можно совершенно и полно удовлетворить тщеславную жажду ума больше знать. А мир внешних явлений, – он слишком нервозен и слишком скоро утомляет человека, который хочет жить просто и спокойно. Чем больше изолирован человек от других людей, тем он счастливее, ибо счастье – это покой, не больше. Зачем же нужна эта ангельски красивая девочка в лохмотьях ему, Павлу Андреевичу, товарищу прокурора и человеку с установившимися взглядами на жизнь? Она – пролог к тяжёлой и глупой драме, которую он не хочет видеть.

Они уже знакомы ему, эти простые драмы, и даже надоели. Её жалко; но что же дальше? Чем он мог бы помочь ей? Уж, конечно, не деньгами, которые проглотила бы тётка Ниса. Другого же выхода он не видит... Чего ж она звенит ему в уши свою унылую комариную песню? Зачем всё это надо? Фу, как всё это ненормально и глупо!..

Выпустив руку девочки из своей, Павел Андреевич вынул портмоне и задумался.

Сколько ей дать? Рубль мог бы временно облегчить её положение, но он может развить аппетит тёти Нисы и через три дня ухудшить это положение.

– Те, двое-то, жадные... тридцать пять копеек уж есть, а они ещё всё просят.

Кабы я насбирала тридцать-то пять копеек, так домой бы пошла! – говорила девочка укоризненно и серьёзно.

Павел Андреевич заметил, что глаза её блестят не по-детски сухо. Её маленькая фигурка, сжатая холодом, стала ещё меньше, а лохмотья как-то странно заершились.

Она стала похожа на избитого совёнка с выщипанными перьями. Он представил себе её ночью одну, идущую по холодной молчаливой улице, среди подавляюще больших домов.

Это была очень печальная картина... Что же ему с ней сделать? А он вновь почувствовал себя обязанным что-то сделать. Человек филантропического темперамента живо бы нашёл выход из этого затруднительного положения; просто человек – не заметил бы её, а он вот потерялся.

Его стало разбирать зло на себя; но в это время он увидал, что стоит у крыльца своей квартиры, и подумал, что самое лучшее – оставить её ночевать в комнате Ефима, а наутро, может быть, что-нибудь и придумается.

– Ты пойдёшь ко мне! – сказал он зябко прижавшейся к двери девочке, дёргая ручку звонка.

Она не удивилась, ничего не сказала и даже вперёд его юркнула в дверь под ноги Ефима.

Павел Андреевич усмехнулся на молчаливый вопрос своего слуги, разделся, scomандовал своей гостье: «Разденься!», Ефиму: «Умой её!» и, крепко потирая немного озябшие руки, вошёл к себе в комнату и сел за стол в глубокое мягкое кресло.

Перед ним урчал и фыркал самовар, из отверстия в крышке с лёгким свистом вылетала струйка пара. В этом свисте Павлу Андреевичу послышалось что-то насмешливое, а в глухом урчании воды – нечто недовольное.

Он облокотился на стол руками и, закрыв глаза, – любимая привычка, – представил себе свою гостью одетой в чистое платье, причёсанной и умытой... Это было идеально красиво.

– А куда же прикажете её деть? – спросил Ефим, просовывая голову в дверь.

Павел Андреевич обернулся к нему:

– А как ты думал, Ефим, куда её?

– Да ведь как же иначе?.. Напоить чаем и домой отправить. Я отведу, – решил тот.

– Гм! – снова задумался Павел Андреевич. – Хорошо, пусть будет так.

И он стал наливать себе чай. Он любил вечерний чай. Под меланхолические песни самовара, в этой залитой розовым светом лампы комнатке так славно думается и дышится. Всё так тепло, мягко, родственно... И так тихо, сладко-тихо... Но сегодня вот в его квартире новые звуки: это тонкий голос гостьи в комнате Ефима. Она всё что-то рассказывает там без устали, и изредка глухой бас Ефима коротко перебивает её. Что ждёт завтра эту девочку? Что ждёт её через десять лет?..

«Однако, в какое добродетельно-минорное настроение погружаюсь я! О чём, собственно, можно тут думать? О помощи ей? Близоруко и неумно. Их тысячи, этих уличных детей, и чьё-либо единичное усилие не улучшит их положения. Это обязанность общества, если ему угодно. И потом, в ней, наверное, есть уже инстинкты, которых не победишь воспитанием и которые со временем могут развиться. Бог с ней, с этой девочкой!..»

Нищенка. Максим Горький gorkiymaxim.ru
В лучшем случае она будет кокоткой, если она умна, конечно...»

Но Павел Андреевич чувствовал, что как бы он ни думал, – ему сегодня почему-то плохо думалось, такими всё избитыми, общими местами, ни одной своей, оригинальной мысли... Почему бы это? Как бы он ни думал, ему не исчерпать этого вопроса о девочке, что-то остаётся, уклоняясь от определения словами, что-то такое смутное, неприятное...

Не зарождается ли это сознание обязанности по отношению к ней, всё-таки же человеку?

Едва ли, едва ли... Едва ли и существует такая обязанность. Законы общежития, нравственности и вообще всевозможные законы, это – скорее всего искусственные логические построения, прекрасно доказывающие хорошие чувства и намерения их авторов – не больше.

– Ефим! – позвал Павел Андреевич. – Ну, как она?

– Уснула, Павел Андреевич! – умиленно сообщил Ефим.

– Уснула?! Гм!.. Как же теперь?

– До утра уж, что буде. Утром я её и справлю. Что ж она? Спит, не мешает.

Всё щебетала. Тридцать пять копеек, говорит... Видно, тридцать пять копеек для неё сто рублей. Умильная девочка! Тридцать пять копеек кто-то, вишь, набрал.

– Да, да, я это знаю. Ну, пусть её спит там! – рассеянно заметил Павел Андреевич.

– Вот, вот! Пускай её с богом! А мне бы, Павел Андреевич, уйти надо, позвольте!
– сказал Ефим.

– Ну, а девочка как же?

– Что ж она? Спит. Я ведь ненадолго.

– Ага, иди, иди. Можешь. Скорее только, а то она проснется, и я не буду знать, что делать.

– Что ж ещё делать? Ничего не надо делать. Я кухарке скажу, коли что...

– немного удивлённо произнёс Ефим и скрылся.

Павел Андреевич закурил папиросу и лёг на диван. Самовар затих. Теперь вся комната была наполнена стуком маятника столовых часов.

«Нужно переменить эти часы, у них слишком стучит маятник...» Но здесь Павел Андреевич поймал себя на очень странном ощущении. Это была какая-то боязнь думать; нечто совершенно новое. Где-то в нём шевелилось смутное, незнакомое чувство, назойливо требовавшее формулировки.

«Пустяки это! Всё пустяки!» – мысленно отмахнулся он. Но, полежав немного, он почувствовал, что ему необходимо встать и пойти посмотреть, как она, эта девочка, спит там.

Он встал, пошёл и, проходя мимо зеркала, увидел на своём лице сконфуженную и растерянную улыбку. Ему стало больно от этого.

«Как я сегодня глуп!» – попробовал он урезонить себя, но не достиг цели.

Вот перед ним кровать Ефима, завешенная ситцевым пологом. За этим пологом слышится ровное, глубокое дыхание. Павел Андреевич снял со стены лампу и, раздвинув полог, стал смотреть.

Гостья спала вверх лицом, широко и свободно раскинувшись. Её кудри осыпали своими кольцами всё личико, и полуоткрытые губки, улыбаясь, показывали маленькие белые зубы. Крохотная грудь подымалась и опускалась так ровно, и вся она,

Нищенка. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
хорошенькая и миниатюрная, была так одинока, жалка...

Павел Андреевич нахмурил брови и быстро отошёл. А когда он лёг на диван, то почувствовал, что его настроение надолго испорчено и, кажется, это ещё не всё...

«Может быть, это приведёт меня к тому, что я покаюсь в эгоизме, к великому удовольствию господ идеалистов и прочих любителей сентиментальности?» – холодно и едко спросил он сам себя. «Покаюсь и смиренно займусь добродетельными волнениями о ближнем и судьбах его?» Он чувствовал, как думы оставляют тоскливый и злой осадок. И, как ни старался, не мог забыть о том, что в его квартире, кроме его уравновешенной, покойной жизни, есть ещё жизнь – в зародыше, маленькая пока жизнь; в будущем она будет грязной и тяжёлой историей, может быть, очень длинной... Хорошо, коли тупой, растительной, но если проснётся сознание?.. Будет бесконечная, мучительная борьба, и кончится она падением. «И, может быть, я же, тогда уже прокурор, как дважды два четыре, докажу господам присяжным необходимость засадить эту девочку в тюрьму.

Какая ирония!»

Он закрыл глаза и, убавив огонь в лампе, неподвижно вытянулся на диване.

Одна за другой мысли рождались и роились в его голове, и, когда он с усилием оттаскивал их от себя на минуту, он казался себе бессильным, жалким, порабощаемым чем-то, виноватым в чём-то. И вся эта путаница ощущений была так туманна и смутна для него. «Зачем я привёл эту девочку?» – тоскливо спрашивал он себя. «Ведь десять человек подали и прошли мимо неё, и, наверное, это были люди менее установившиеся и более чувствительные, чем я. О, наверное! Зачем же именно я должен болеть за неё?»

Но тут ему стало смешно над собой... «Спрашивать так, это спрашивать – зачем кусок карниза упал на голову именно этого человека? Эта девочка – тоже случайная шутка судьбы...»

У него выступал на лбу холодный пот, и что-то давило на лёгкие, мешая дышать.

Он сбросил пиджак и [жилет], расстегнул ворот рубахи и снова закрыл глаза.

Когда он раздевался, то заметил, что портьера на двери странно колыхнулась, но не обратил на это внимания. Поглощённый своими думами и меланхолическим полумраком комнаты, он лежал с закрытыми глазами, и время, казалось ему, тянется невыносимо медленно, несмотря на торопливое тиканье часов...

Вдруг ему почудился какой-то шорох... Он полуоткрыл глаза и вздрогнул, увидав, что спущенная с петель и совершенно закрывавшая дверь портьера тихо колеблется, отводимая в сторону маленькой детской рукой. Не шевелясь, Павел Андреевич наблюдал полузакрытыми глазами, удерживая дыхание, стараясь ни звуком не выдать своё присутствие в комнате. На тёмном фоне портьера показалась золотистая головка его гостыи, осторожно поворачивавшаяся, осматривая комнату. Синие детские глаза были широко раскрыты, серьёзны и не по-детски решительны. Розоватого света лампы было достаточно много для того, чтобы ясно видеть каждую чёрточку лица. Напряжённое внимание сделало его менее красивым, но как-то более фантастичным и приковывавшим к себе. Несколько кудрей капризно поднялись надо лбом и образовали из себя ажурную корону. Чисто умытое личико было бледно, несмотря на розоватый свет лампы, мягко и ласково освещавший его, и глаза казались Павлу Андреевичу гораздо более красивыми, чем раньше.

Вот она осторожно подняла правую ножку, босую и грязную, но тонкую и красивую, подняла и сделала шаг к столу, где стояла лампа и масса безделушек. Потом сделала ещё шаг и повернула головку в сторону Павла Андреевича... Тут она вздрогнула и сделала быстрое движение к двери, взмахнув руками и простерев их перед собой, точно собираясь бежать. Павел Андреевич постарался дышать ровно и так громко, чтоб она слышала его дыхание.

Она неподвижно стояла с полураскрытыми губками и с выражением детского испуга на своём ангельском личике смотрела в его сторону и вслушивалась.

Грязное платье было ей и узко и коротко, ноги по колена были видны из-под него, и руки далеко высывались из рукавов; застёгнута была только одна пуговица, у

Нищенка. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
талии, и белая тонкая шейка с частью груди была открыта.

Павел Андреевич пожелал тихонько исчезнуть, оставив на сцене только свои глаза.

Но она, очевидно, убедилась в его крепком сне и в три быстрых и гибких, как у котёнка, движения очутилась у стола. Здесь она положила локотки на его край и, подперев ладонями головку, улыбнулась такой большой и светлой улыбкой – и зачем-то высоко поджала под платье левую ножку. Затем выразила на своём лице удивление и удовольствие, закачала из стороны в сторону головкой и, осторожно взяв в ручку пресс-папье, изображавшее медведицу с двумя медвежатами, подвинула его к себе, наклонила над ним головку и, точно не решаясь более дотрагиваться до него руками, вертела головкой из стороны в сторону, осматривая его с выражением восхищения на лице, улыбаясь и что-то тихо, тихо шепча своими пунцовыми маленькими губками, а её кудри дрожали и падали на стол. Потом она благоговейно и осторожно отодвинула от себя пресс и взяла пепельницу; повторив над нею так же тщательно процедуру осмотра, она отодвинула и её, и так перебрала на столе все вещи и, вздохнув, снова поставив локти на стол, стала смотреть... Потом вдруг о чём-то вспомнила, – отшатнулась от стола и, оборотясь к Павлу Андреевичу, пошла к нему своей неслышной, эластичной походкой котенка.

Павел Андреевич изумился и как-то застыл. Но его изумление чуть не выразилось криком, когда она подошла к стулу, на который он сложил своё платье, начала рыться в нём и, наконец, бросив его, села на пол почти в ногах у Павла Андреевича.

Он ничего не понимал. Ему теперь нельзя было видеть, что именно она делает, и он едва удержался от желания повернуться и принять такое положение, которое бы позволяло ему наблюдать за ней. Его как-то жгло любопытство.

Послышался звон монет, падавших откуда-то на ковёр.

Павел Андреевич вздрогнул и понял...

Первым его желанием было встать и помешать ей; но что-то помешало ему самому сделать это. Он лежал и слушал, как монеты терлись в её руках одна о другую.

«Воруется!.. воровка!!..» – произнёс про себя Павел Андреевич и почувствовал, что эти два слова неприложимы к девочке с золотыми кудрями, маленькой уличной нищей красавице. Он слушал, и мысли одна за другой кололи ему мозг, как иглы...

Он услышал тихий шёпот:

– Это гривенник... и это гривенник. И это... и это; только это большой.

Тут уж есть и тридцать пять, и больше есть! О-о-о!.. Вот теперь ну-ка!.. Ещё, может, мало тебе?!.. жадёра ты старая!..

Павел Андреевич почувствовал, что ему невыносимо тяжело и что эта сцена должна быть кончена. Но как, как? Проснуться ему? Это испугает её до сумасшествия...

Вдруг в комнате Ефима послышался шорох и шаги. Павел Андреевич вздохнул свободно и легко.

– Ну и штука! – послышался изумлённый возглас Ефима.

Девочка не слыхала ни шагов, ни шороха, но она услышала восклицание.

Вскочив на ноги, она бросилась к двери, и вслед за ней, предательски звеня, покатались серебряные и медные монеты. В дверях стоял Ефим с испуганным лицом.

Она попала прямо в его простёртые к ней навстречу руки.

– Дяденька!.. – вскрикнула она умоляюще тоскливо.

– Ах ты, дрянь!.. – густо зашептал Ефим. – Воровка ты!.. А?!.. Я те!..

Павел Андреевич решил, что пора выступить на сцену и ему.

Нищенка. Максим Горький gorkiymaxim.ru

– Ефим!.. – крикнул он, встав с дивана, и, подходя к двери, строго спросил:

– Это что за возня?

– А... ворует, Павел Андреевич!.. – растерянно забормотал Ефим, крепко держа девочку в своих руках и как-то странно и недоумевающе переводя глаза с неё на Павла Андреевича. – Ворует... А...

Девочка вся дрожала в испуге и волнении и крепко жалась к нему, стараясь не видеть барина.

– Её пригрели, можно сказать, а она... на-ко вот!.. – говорил Ефим. – Обокрасть хотела! Такая-то малюсенькая! А?!. Ребёнок, а тоже поди-ка!.. человек вполне. Ах ты... ты... ты... девчонка скверная! Ух ты... ты... ты!.. Ах, ах!.. Да разве можно в таком малом возрасте воровать?!.

Павлу Андреевичу страстно захотелось, чтоб это скорее кончилось... И тоном полного равнодушия, с странной торопливостью, удивившей Ефима ещё более, чем самый тон, он заговорил:

– Вот возьми рубль, найми извозчика и отвези её домой. Скорее!.. Слышишь?

Живо собирайся и – марш! Отвези и отдай! И не говори ничего там дома у неё... Или нет, скажи всё; да лучше скажи, всё как есть и скажи! Ну, ступай же, ступай!

Ефим замолчал и, как-то особенно внимательно посмотрев на барина, надел свою шубу и стал торопливо кутать молчавшую и всё пугливо жавшуюся к нему девочку – в её лохмотья.

– Ну, идём! – сказал он, кончив одевать её, и быстро вышел из комнаты, тихонько толкая девочку вперёд себя.

Павел Андреевич всё ещё стоял в дверях.

– Извозчик!.. – донеслось до его слуха с улицы. Прогремела пролётка и остановилась у крыльца. Потом опять загремела, глухо, протестующе...

Тогда Павел Андреевич вошёл в комнату, прибавил света в лампе и сел к столу, где за пять минут перед тем маленькая девочка рассматривала его вещи. Павлу Андреевичу казалось, что они приняли для него какой-то новый, чуждый ему отпечаток. Он сидел и сосредоточенно-мрачно смотрел на них.

– Это долго не забудешь, чёрт возьми! – вполголоса проговорил он. – О да, очень долго!

Он встал с кресла и взволнованно подошёл к окну. Ночь была темна и тиха.

Дома напротив окна, одетые тьмой, были мрачно-холодны.

– Как это странно!.. Как это гадко! – угрюмо прошептал Павел Андреевич и прислонился лбом к холодному и влажному стеклу окна. Он чувствовал себя разбитым...

Он давно уклонялся от жизни, и ему казалось, что он достиг этого, что жизнь никогда не сумеет задеть его, нарушить его безучастное отношение к ней, что он гарантирован от тех тяжёлых дум, волнений, которые остались там, далеко назади, и которые некогда волновали его... И вот они снова врываются... уже ворвались в его душу!..

– Да неужели же нельзя быть свободным? Не чувствовать себя обязанным что-то делать, чем-то волноваться – нельзя? Хорошо. Но если так – это рабство! – Он вытер рукой влажный лоб и прошёлся по комнате. – Может быть, это у меня нервы? Только нервы? И... скоро пройдёт?..

Часы тикали быстро и резко – тик-так, тик-так! В комнате было пусто, холодно и как-то особенно тихо. Так тихо никогда не было в этой комнате.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

Нищенка. Максим Горький gorkiymaxim.ru
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!